

Макаров Егор Павлович

СОЦИОЛОГИЯ ТОЛПЫ ГОРДОНОВСКОГО БУНТА

В данной статье анализируется социальный состав участников Гордоновского бунта, дается периодизация бунта и исследуется изменение состава участников на разных стадиях бунта. На основе принятых в западноевропейской исторической науке концепций анализируется "толпа" как ведущая социальная группа, в которую входили участники бунта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 151-154. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

COMMONNESS AS PERSON SOCIALIZATION SPACE

Lyubov' Evgen'evna Leukhina*Department of Philosophy and Political Science
Mari State University
Luba111286@mail.ru*

The author reveals commonness as socialization space, pays special attention to integrative practices review at a person's life cycle different stages and singles out the way on the basis of which a person is included into living space.

Key words and phrases: commonness; socialization; living space.

УДК 316.482

В данной статье анализируется социальный состав участников Гордоновского бунта, дается периодизация бунта и исследуется изменение состава участников на разных стадиях бунта. На основе принятых в западноевропейской исторической науке концепций анализируется «толпа» как ведущая социальная группа, в которую входили участники бунта.

Ключевые слова и фразы: социология толпы; Гордоновский бунт; Протестантская ассоциация; народные волнения; гражданские беспорядки; социальный протест.

Егор Павлович Макаров*Кафедра всеобщей истории**Поволжская государственная социально-гуманитарная академия**Egor.Makarov.esq@gmail.com***СОЦИОЛОГИЯ ТОЛПЫ ГОРДОНОВСКОГО БУНТА[©]**

Гордоновский бунт 1780 г. был величайшим актом гражданского неповиновения в Англии после восстания Монмаута 1685 г. По сей день перед исследователями стоит множество нерешенных вопросов, ставших, по словам Хораса Уолпола, «загадками Гордоновского бунта» [17, р. 402]. Одной из таких «загадок» является определение социального состава организаторов и участников Гордоновского бунта.

Сам лондонский бунт можно условно разделить на несколько стадий. Первая стадия, носившая характер мирного шествия, длилась с полудня до ночи 2 июня 1780 г. Вторая стадия длилась с ночи 2 июня по 6 июня до того момента, когда начали приниматься конкретные практические шаги со стороны городских властей, направленные на подавление бунта. Третья стадия бунта длилась с 6 по 8 июня, при этом 8 июня можно назвать переломным моментом бунта. Заключительная стадия продлилась с 8 до 10 июня, то есть до того момента, когда на улицах Лондона был восстановлен относительный порядок.

В документах времени бунта отражены данные относительно членов протестантской ассоциации, а также относительно тех людей, что были пойманы на местах преступлений. Списки протестантской ассоциации дают нам информацию о 44000 членах этой организации в Лондоне, а также о 120000 подписавших петицию в палату общин [19, р. 155-159]. Из 450 арестованных военными только 160 были привлечены к ответственности. Сравнение документов ассоциации и актов о задержании дает нам информацию о том, что никто из 450 арестованных на местах преступлений не был членом протестантской ассоциации, и это первое важное документальное подтверждение того, что протестантская ассоциация не имела отношения к беспорядкам, начиная со второй стадии Гордоновского бунта.

Рассматривая первую стадию бунта, важно отметить, что во время шествия с петицией к парламенту не было зарегистрировано ни одного правонарушения со стороны заявителей, которых, по разным данным, насчитывалось от 50000 до 100000 человек [13, р. 283-287]. Во время шествия в рядах членов протестантской ассоциации можно было увидеть значительное количество богатых и обеспеченных людей, а также членов среднего класса. Среди заявителей также находились представители городских властей, торговых кругов, общественные деятели, представители интеллектуальной элиты того времени, врачи, держатели таверн и питейных заведений, ремесленники, подмастерья, а также представители самых различных профессий, то есть люди совершенно разного социального статуса.

К вечеру можно зафиксировать первое разделение участников шествия на тех, кого условно можно назвать «лояльными гражданами», и тех, кого можно назвать «толпой», впоследствии устроившей беспорядки на улицах города. При этом мы склонны считать, что лояльные граждане, покинувшие улицы с завершением парламентского заседания, могут считаться принадлежащими к протестантской ассоциации, выполнившими ее рекомендации по поддержанию порядка. Другая же группа, условно названная в большинстве исторических работ «толпой», проявила себя в дальнейшем лишь с негативной стороны, устраивая грабежи и поджоги в различных частях Лондона.

С первым разделением участников шествия можно фиксировать начало второй стадии бунта. С нападений на католические часовни при Баварском и Сардинском посольствах на улицах Лондона действовала именно «толпа», имеющая иной социальный состав по сравнению с шествием к парламенту. Цели «толпы» были далеки от защиты протестантских интересов, а их связь с протестантской ассоциацией не находит доказательств.

Источники времени Гордоновского бунта позволяют получить достаточно полную информацию лишь о социальном составе начальной стадии бунта, которая собственно бунтом не являлась. Поэтому информация из прессы того времени, даже в сочетании с информацией из протоколов судебных заседаний, не дает достаточно полной картины социального состава основной массы участников беспорядков.

Главной проблемой дальнейшего исследования является определение социального состава огромной социальной группы, по словам Генри Филдинга, «представляющей из себя большой и мощный орган, уже давно формирующий четвертую власть в обществе, имя которому толпа» [22, р. 139]. Учитывая расхождение в терминологии среди ведущих исследователей данной проблемы, необходимо подробнее остановиться на некоторых подходах в определении понятия «толпа», принятых в современной исторической науке.

Наиболее известной является точка зрения доктора Джорджа Рюде, который предложил своеобразную терминологию для обозначения участников бунта, в ярких образах разделив само понятие толпы на три отдельных термина: «mob» – бандиты, учинившие беспорядки; «rabble» – чернь, городские низы; «swinish multitude» – люди, недалеко ушедшие от животного состояния [16, р. 268-292]. Несмотря на яркие образы, к терминологии Джорджа Рюде необходимо подойти предельно критически, так как его точка зрения вызвала большой резонанс в современных подходах. В предварительном исследовании толпы доктор Рюде не учитывает присутствия уголовного элемента и элемента безработных. Учитывая уничтожение четырех тюрем и освобождение заключенных, присоединившихся к толпе, а также огромное количество безработных в стране, это упущение можно считать довольно серьезным.

Среди участников бунта доктор Рюде отдельно выделяет наемных рабочих, в чьих действиях находит систему убеждений и ценностей. По его мнению, направляя свой гнев на конкретную цель, рабочие пытались восстановить статус-кво. Но точку зрения ученого можно подвергнуть сомнению, поскольку есть конкретные сведения о том, что нападениям подвергалась собственность людей совершенно разного материального положения. По документам, сразу после бунта с требованием возмещения убытков выступили 136 человек, бывших людьми различного положения, а требования каждого из них показывали острые социальные различия, существовавшие между ними [10, р. 7].

В другой работе Джордж Рюде проводит глубокий анализ состояния низов лондонского общества XVIII в. [15]. Доктор Рюде разрабатывает широкую линию разграничения «внутри низов» на четыре группы. Первую группу составляют мастера-ремесленники и мелкие торговцы Лондона и Вестминстера, по своему положению граничащие со «средним классом». Во вторую группу входят квалифицированные подмастерья и ученики, которых к концу XVIII в. насчитывалось до ста тысяч человек. Третью группу формировали массы неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, рабочие с ежедневной платой, грузчики, чистильщики сапог, речные рабочие и угольщики. Эти люди не имели стабильного заработка и, как правило, постоянного места жительства. В последнюю, четвертую, группу можно было включить тех, «кто погрузился на самое дно города», то есть бродяги и нищие, безработные, неимущие, престарелые, имеющие неполный рабочий день, беднейшие ирландские иммигранты. Людей четвертой группы к 1797 году было около 115000 человек, или 1/8 населения Лондона. Преимущественно именно четвертая группа была поставщиком уголовных элементов, готовых выступать под любыми лозунгами в поисках наживы. Поэтому вполне обоснованно можно предполагать, что именно выходцы из четвертой группы составили большую часть участников беспорядков 1780 г.

Э. П. Томпсон в своей работе пытается усилить и развить идею восстановления справедливости бедными путем ограбления богатых, добавляя ко всему прочему толкование «толпы рациональной» [23]. Он подчеркивает, что они имели собственную идеологию, которая мотивировала и активировала их протест. Как следствие, он добавляет сюда понятие «переговоры толпы с властями», введенное в данную проблематику Э. Дж. Хобсбаумом [7].

Формирование толпы расценивается современными учеными как типичный пример народного протеста в XVIII в. Использование термина «простонародье» в методологическом описании протестующей группы оказалось под серьезной критикой со стороны Р. Дж. Холтона и М. Харрисона [6; 8, р. 219-233]. Оба ученых высказывают схожие соображения о том, что доктор Рюде не смог быть точным в систематизации или концептуализации понятия толпы, а историки-социалисты слишком узко рассматривают события бунта, то есть исключительно как социальный протест толпы.

По мнению Дж. Эрчера, лондонская толпа не имела политической осведомленности и представляла из себя бессмысленную и иррациональную группу, устроившую беспорядки 1780 г. [1, р. 57]. Н. Роджерс оспаривал идею социального протеста, выдвинутую доктором Рюде, в интерпретации того, что жертвы толпы были богаче участников беспорядков [14]. Н. Роджерс утверждал, что в первые дни бунта толпа уничтожала собственность видных католиков, однако в заключительной стадии беспорядков цели стали более конкретными, такими как жилые дома или высокий мост Блэкфрайрс.

Учитывая чрезвычайно пестрый состав «городских низов», необходимо упомянуть о районах, которые являлись их преимущественным местом обитания. С. Боди-Джендрот в своем исследовании отмечает, что сама специфика районов Лондона и наличие трущоб, лежащих вокруг Сити, благоприятствовали развитию

затяжных беспорядков [3, р. 36]. Поэтому, взглянув на карту Гордоновских бунтов, можно понять, откуда внезапно появлялась «толпа» и куда она также бесследно исчезала.

Важно отметить, что эта «толпа», то есть выходцы из городских низов, не упускала возможности нарушить покой простых граждан при любом удобном случае. Так было и во время Мидлсекских выборов, и во время «дела издателей», и тем более во время Гордоновского бунта [11, р. 232]. В частности, Дж. Ньюман считает, что «народ еще через идеи Уилкса узнал инакомыслие, а случившиеся народные волнения Гордоновского бунта – не более чем право людей на самовыражение и показатель роста общественного сознания» [12, р. 176]. Однако мы склонны считать, что определяющей причиной бунта был не более чем поиск возможности обогатиться за чужой счет. У. Корниш говорит по этому поводу, что «устойчивой чертой конца XVIII – начала XIX в. в Англии можно считать постоянные народные волнения, которые возникали под разными лозунгами, привлекая народ, который мог не соглашаться с требованиями, но преследовать свои собственные цели, главной из которых стабильно оставалось стремление к быстрому обогащению» [4, р. 155].

Анализируя социальный состав участников бунта, нельзя ограничиваться городским населением. За несколько дней до начала Гордоновского бунта в правительство поступили сообщения о прибытии в Лондон множества сельских жителей. Вполне вероятно, что эти люди, особенно с началом погромов, открыли для себя возможность легко обогатиться и вернуться домой не с пустыми руками. В разгар бунта из Лондона наблюдался огромный отток населения, бежавшего от разъяренной толпы и пожаров. Поэтому скрыться с награбленным имуществом в эти дни было не так сложно.

В выходные 3-4 июня можно зафиксировать второе разделение «толпы». Первую часть толпы составили люди, преследовавшие цели личного обогащения. Этим людей К. Хоуэлл называет «ведущими образ жизни падальщика», понимая под этим термином городскую и сельскую бедноту [9, р. 15]. К ним также примыкали группы людей из зависимых категорий населения, то есть женщины, подростки и слуги. Эта часть не следовала какому-либо плану и продолжала грабить и сжигать дома католиков в хаотичном порядке. Для удобства обозначения эту часть погромщиков можно условно назвать «толпой хаотичной».

Вторая часть толпы, более организованная, нападала на государственные учреждения и дома политических деятелей. Мы считаем, что лишь к этой части погромщиков можно применить томпсоновское понятие «рациональной толпы», но лишь в том плане, что она имела четкую организацию и продуманный план действий.

Если спроецировать на эту часть толпы доводы Э. Дж. Хобсбаума о наличии «переговоров толпы с властями», то, прежде всего, необходимо четко выделить то, что именно можно понимать под «переговорами». За все время Гордоновского бунта мы можем констатировать лишь предъявление требований в ультимативной форме со стороны толпы к комендантам тюрем, а также зачитывание акта о массовых беспорядках со стороны мировых судей с требованием разойтись, адресованным к погромщикам [18, р. 285]. Эти своеобразные обмены ультиматумами могут, на наш взгляд, считаться переговорами с властями лишь метафорически.

С 8 июня военные постепенно восстановили контроль над городом, после нескольких крупных и кровопролитных столкновений растворившись так же внезапно, как и появились. Поиски бунтовщиков в трущобах оказались безрезультатными. Военными было арестовано 450 человек. Из них 160 были привлечены к суду, 59 были осуждены, 26 казнены, остальные помилованы. Крайне удивительным является тот факт, что большинство представших перед судом оказались людьми молодого возраста, а также то, что среди них было немало женщин. Из 25 повешенных большинство являлись учениками и подмастерьями, 17 человек были восемнадцатилетнего возраста, а еще 3 человека не достигли и пятнадцатилетнего возраста [11, р. 236].

Хорас Уолпол иронически замечал, что большинство преступников были настолько молоды, что хватило бы полдюжины учителей, чтобы предотвратить восстание [17, р. 422]. Действительно, если смотреть на тех, кто был арестован и осужден, то есть на молодежь и женщин, как на преступников, то станут понятны слова Эдмунда Берка, писавшего о преступниках: «...они не более чем больная и немощная часть общества нашей страны, и их еще можно вылечить, если государство отнесется к этому вопросу со всей серьезностью. Мы все находимся в большой больнице, где сердиться на пациентов – это признак дурного тона» [21, р. 437]. Но если взглянуть на другую часть погромщиков, то есть на тех, кто не был арестован, не принадлежал к «больной и немощной части общества», то станет ясно, что основная часть бунтовщиков избежала наказания.

После проведенного анализа социального состава участников беспорядков, составивших «толпу», остается лишь оценить степень вовлеченности в бунт чиновников и военных. Если опираться на официальные и косвенные данные, то можно будет лишь выяснить тех членов правительства и чиновников муниципального управления, кто поддержал требования петиции. Также, если считать бездействие пособничеством, можно говорить о том, что и чиновники городского управления во главе с лорд-мэром не решались открывать огонь по толпе, а министры медлили с принятием решения о вводе войск до последнего. Поэтому фактическое бездействие можно было наблюдать на всех уровнях власти, исключая генерального прокурора и короля, принявшего решение о вводе войск в город. Но мы не решимся рассматривать бездействие муниципальных властей и министров как пособничество бунту, аргументировав свою позицию ошибками в трактовке законов со стороны городских властей и мировых судей, а также неготовностью правительства к столь масштабным беспорядкам внутри страны.

Если поднять вопрос о том, были ли войска причастны к бунту, то показателем следующий пример: 3 сентября 1781 г. лорд Джордж Гордон написал письмо, адресованное лорду Норту, в котором он намекал, что за просьбами лорда Гордона стоит протестантская ассоциация, а в особенности шотландские протестанты Лондона, в число которых входит более 20000 человек, в том числе шотландская гвардия, артиллерийское подразделение Вулвич и наиболее боеспособная часть пеших и конных полков охраны [20, р. 495-499].

Этот намек лорда Гордона в письме без лишних слов показывает широкую поддержку протестантской ассоциации в армии. Косвенно эти данные могут служить лишним примером того, что ни лорд Гордон, ни протестантская ассоциация не имели отношения к погромам и нападениям, так как если бы было иначе, то события, как представляется, развивались бы совсем по другому сценарию. Проведенное исследование социального состава участников Гордоновского бунта позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, социальный состав участников Гордоновского бунта менялся на разных стадиях его развития, а отраженные в документах сведения об участниках бунта не дают полных и исчерпывающих данных по социальному составу «толпы» как устойчивой социальной группы. Выявить подлинный социальный состав «толпы» позволяют лишь комплексный анализ социальной обстановки второй половины XVIII в. и исследование степени вовлеченности отдельных групп населения в общественные процессы того времени.

Во-вторых, на протяжении более чем недели Гордоновского бунта имело место такое явление, как «разделение его участников». Первое разделение произошло уже к ночи 2 июня, в это время от основной массы заявителей отделилась наиболее лояльная и добропорядочная часть, преимущественно принадлежащая к протестантской ассоциации. Оставшаяся часть собственно бунтовщиков, составивших «толпу», начала погромы и грабежи на улицах Лондона. Второе разделение, теперь уже затронувшее «толпу», произошло за выходные 3-4 июня. Можно вполне обоснованно говорить о том, что одну часть бунтовщиков составила «толпа хаотичная», занятая погромами и грабежами без четкого плана и в целях личного обогащения. Вторую часть толпы составила «толпа рациональная», имеющая организацию и направившая свои разрушительные действия против государственных учреждений и домов общественных деятелей, политиков и судей.

В-третьих, полученные данные позволяют сделать выводы о том, что социальной основой «толпы» были городские низы, т.е. преимущественно третья и четвертая группа по системе доктора Рюде, указанной выше. Это были люди, не имевшие стабильного заработка и постоянного места жительства.

В-четвертых, беспорядки Гордоновского бунта не явились результатом деятельности протестантской ассоциации. Протестантские интересы были лишь внешней ширмой для людей, составляющих широкую социальную группу, названную «толпой». При этом каждый участник беспорядков преследовал свои личные цели, чаще всего ограничивающиеся обогащением за чужой счет.

Список литературы

1. **A Narrative of Proceedings of Lord George Gordon. L.**, 1817.
2. **Archer J. E.** Social Unrest and Popular Protest in England: 1780-1840. Cambridge, 2000.
3. **Body-Gendrot S., Carré J.** Ville et violence dans le monde anglophone // Actes du colloque de Clermont-Ferrand. Janvier 1989. Clermont-Ferrand, 1989. 232 p.
4. **Cornish W. R.** Crime and Law in Nineteenth Century Britain. Dublin, 1978.
5. **Edinburgh Magazine and Literary Miscellany.** 1780. Vol. 42.
6. **Harrison M.** Crowds in History: Mass Phenomena in English Towns: 1790-1835. Cambridge, 1988.
7. **Hobsbawm E. J.** Labouring Men. L., 1968.
8. **Holton R. J.** The Crowd in History: Some Problems of Theory and Method // Social History. 1978. № 3.
9. **Howell C. D., Twomey R. J.** Jack Tar in History: essays in the history of maritime life and labor. Fredericton (N. B.), 1991.
10. **JSTOR:** the historical journal. 1958. Vol. 1-3.
11. **McLynn F.** Crime and Punishment in Eighteenth Century England. N.Y., 2002.
12. **Newman G. R.** The Punishment Response. New York, 1978.
13. **Ridley J.** A New Sketch of Civil and Ecclesiastical History. Richmond, 1781.
14. **Rogers N.** The Gordon Riots Revisited // Canadian Historical Association Historical Papers. 1988. Volume 23. Issue 1. P. 16-34.
15. **Rude G. F. E.** Hanoverian London: 1714-1808. Los Angeles, 1971.
16. **Rude G. F. E.** The Gordon Riots: a Study of the Rioters and Their Victims // Rude G. F. E. Paris and London in the Eighteenth Century. L., 1978.
17. **The Letters of Horace Walpole, Earl of Orford. L.**, 1858. Vol. 7.
18. **The London Magazine or Gentleman's Monthly Intelligencer.** 1781. Vol. 50.
19. **The Monthly Review or Literary Journal. L.**, 1782. Vol. 6.
20. **The Scots Magazine.** 1781. Vol. 43.
21. **The Works and Correspondence of the Right Honorable Edmund Burke. L.**, 1852. Vol. 2.
22. **The Works of Henry Fielding, with the Life of the Author. L.**, 1766. Vol. 12.
23. **Thompson E. P.** The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. Vol. 50. P. 76-136.

GORDON RIOTS CROWD SOCIOLOGY

Egor Pavlovich Makarov
Department of General History
Volga Region State Social-Classical Academy
Egor.Makarov.esq@gmail.com

The author considers Gordon riots social composition, presents riots periodization, studies the participants' composition changes at different riots stages and basing on the conceptions adopted in West-European historical studies analyzes "crowd" as the leading social group which included riots members.

Key words and phrases: crowd sociology; Gordon riots; Protestant Association; public disturbance; civil unrest; social protest.